

Валентина Тен. Страницы памяти

Исток

Я трудармейский ребёнок.

Мне не хватало пелёнок.

Мне не хватало игрушек –

Кукол, зайчат, погремушек.

А за нехватки воздалось

Тем, что мне мама досталась

С огненной силою духа.

Мне было мягко и сухо.

Солнце меня обожало.

Грело меня и ласкало.

Там его было с лихвой

Под комендантский конвой.

Я на судьбу не в обиде,

Край довелось мне увидеть,

Где новой жизни росток

Холил погодой восток.

Древний восток, огнеликий,

Своеобразный, великий

В душу мне с детства запал.

Он моей Родиной стал.

*Где бы меня ни носило –
В нём мои корни и сила,
Там моей жизни исток...
Слава тебе, мой Восток!*

26.04.2013

*На установку памятника «Жертвам
политических репрессий» в с. Гальбштадт
Немецкого национального района
Алтайского края*

*Это память о тех,
Кто ушёл навсегда,
Испытав лихолетье
На собственной шкуре,
И сквозь холод плиты
Тянет руки сюда –
К солнцу, к небу, к цветам
И к потомка фигуре.*

*Молит: «Не обезумь!»
Молит: «Не повтори!»
Из-за стали колючей
Посмертно взывая,
И проходит колонной
По пять и по три*

Мир теней, сохранить

Солнца мир призывая.

Лучик тёплый запутался

В золоте крон.

Золотая листва

Опадает в аллее.

И ложится букетик

Молодожёнов,

Вечной памятью павшим

На камне алея.

У истоков традиции

Молча стоим,

Сердце счастье и горе

Насилу вмещает

И кричит, обращаясь,

Конечно, к живым,

И сберечь этот солнечный мир

Заклинает.

10.10.08

Маме

Мама, ты вольёшься в Полк Бессмертный

Со своей изломанной судьбой...

Трудовой твой подвиг беспросветный

Разрешил мне встать в бессмертный строй.

Мы с тобой пройдем в потоке жизни

У моей судьбины на краю...

Отдала ты дань своей Отчизне,

Мой черёд – теперь я отдаю.

Проплываешь в ранге трудармейки

Под небесной сочной бирюзой...

Серный дух прожжённой телогрейки

Впитан навсегда твоей душой.

Ты для фронта серу добывала,

Чтоб дотла фашизм испепелить.

А потом ты коммунисткой стала,

Чтобы созидать и в мире жить.

И теперь, когда фашизма тени

Вновь затмить стремятся солнца свет,

Мы с тобой не встанем на колени –

Подниму, как знамя, твой портрет.

11.04.2015

Поиск камня-памятника

«Жертвам сталинских репрессий»

*По Шпрингеровской, ныне Партизанской,
Восточные ворота миновав,
Держу я курс теперь к воротам Тарским.
Ищу я камень, жертвой его став.*

*Вокруг пылит история веками...
А век прошедший, кровь и пыль смешав,
Ещё болит... и помнится слезами –
Слезами предков, радость дней поправ.*

*Монументально-грустный Достоевский
Стоит, печально голову склонив.
Он не знаком с историей советской.
Увы, но бесы были и в других.*

*Иду аллеей я, где юг и север
Пирамидальный тополь побратал,
Который Гензе за успех затеи
В честь своего учителя назвал.*

*На ветерочке в вытянутой кроне
Листва играет белым серебром...
И этот тополь в нашем регионе
Мы тополем Вавилова зовём.*

*Сергей Манякин встретился в пути мне,
Граф Головин у Тарских ждал ворот,*

*Ну, а судьба меня необратимо
Вела туда, где глыба-камень ждёт.*

*И я дошла... На сколах по граниту
Блестит слюда застывшею слезой...
И память затащила панихиду
В созвучии с израненной душой.*

*Указ подписан каменной рукою.
Я слышу над Союзом скорбный вой
И вижу страх, что чёрной пятернёю
Прикрыл сам факт насилия войной.*

*Сорвало с мест насиженных народы...
Горели судьбы в жертвенном огне...
Трагедию не залечили годы,
И плачет сердце, помня о цене –*

*О той цене, бессмысленно жестокой,
О тех потерях, что не сосчитать,
О предках, что идеею высокой
Старались это как-то оправдать.*

*Не вспоминали: было слишком больно.
Молчали: страшно было говорить!
И лишь стучалась память своевольно,
И камнем на груди мешала жить.*

*И я застыла у гранитной глыбы.
Вокруг кроваво сальвия цветёт...
А мой народ, познавший ужас дыбы,
Ещё рекой истории несёт.*

*Разорван он, рассеян и разбросан
По матушке-России неспроста,
Но вклад его весом, велик, осознан.
Он вынес тяжесть личного креста.*

*Он дал своих подвижников-героев.
Их даже в Омске трудно сосчитать.
Он, среди прочих, шёл бессмертным строем,
Чтоб предкам пострадавшим долг отдать.*

*Да будут светлой памятью хранимы
Все жертвы страшных и кровавых лет.
Их муки, боль и страх страны неоценимы...
Через века протянется их след.*

*Потомки всех невинно убиенных,
Мы хрупкий мир обязаны беречь.
Ведь благодатью метит Бог смиренных,
Им освещающая путь слезами свеч.*

20.07.2015

Трудармия

*Трудовая армия – данность страшных лет.
За колючей проволокой меркнет солнца свет.
Осуждённых без вины мрачен плотный строй.
Вдоль него – с овчарками лагерный конвой.*

*Голодно и холодно... Нет войне конца...
Кто из нас не отдал ей брата и отца?
Кто презрительным плевком не был удручён?
Кто косыми взглядами был не раз пронзён?*

*Все, вины не знавшие, в жерновах страны
Были из-за нации в тлен превращены.
Тяготы безмерные выпали им всем.
Стали трудармейцами, и без прав совсем.*

*А работы каторжной вечный был аврал:
Камнеломки, рудники и лесоповал,
Шахты, рыбный промысел, весь тяжёлый труд...
Пряник власти спрятали, лишь оставив кнут.*

*Вспоминали нехотя, лучше бы забыть...
С телом измочаленным как-то можно жить,
Но с душой израненной жить куда трудней...
Ведь гордиться хочется нацией своей.*

*А сегодня мы в строю жертв сороковых.
Мы по омским мостовым пронесём родных.
И пройдёт Бессмертный полк по большой стране,
Чтобы больше никогда не греметь войне.*

*Бухгольц, Шпрингер в Омск внесли свой весомый вклад.
Гензе, Гасфорд, Глазенап – вот такой расклад.
Вагнер, Таубе, Эзет – списку нет конца...
Мориц, Клодт, и Шмидт, и Шпет – верные сердца.*

*Так оставила свой след нация отцов.
Есть гордиться кем и чем нам в конце концов!
Трудармейцам сгнувшим скорбью воздадим.
Всех минутой тишины вспомним и почтим.*

04.05.2017

У камня «Жертвам сталинских репрессий»

Сила жизни

*Соберёмся у камня. И скорбь растечётся молчанием...
Будет город вокруг суетиться, привычно шуметь.
Мы пришли с запоздалым признанием и покаянием
К тем, кому ради нашего мира пришлось умереть.*

*Каждый боль свою будит и близких своих вспоминает,
Тех, кого размололи ужасной поры жернова.
Кто-то скорбно молчит, кто-то тихо в душе причитает...
Но по-прежнему тянутся к солнцу цветы и трава.*

*Неподвластны явления жизни людскому безумству.
Канут в толщу истории страны, эпохи, века.
Но законы природы положат конец вольнодумству:
Человек жнёт, что сеет, и истина эта крепка.*

*Мы вольны вечным миром засеять наделы планеты.
Все стремленья благие стократ претворятся в дела!
Будем сеять не зло, а любви и добра самоцветы,
Чтобы наша Земля вдруг с орбиты своей не сошла.*

*Кто-то лбами пытается всех нас столкнуть на планете.
Кто-то, пользуясь смутой, свою набивает мошну.
В безрассудстве нелепом страдают от ужаса дети:
Их невинные очи с младенчества видят войну.*

*Может быть, для того, чтобы прошлому не повториться,
Будоражим мы память и в августе к камню ведём.
Пропуская сквозь сердце обугленных дней вереницу,
Нашим предкам ушедшим мы вечную славу поём.*

05.06.2017

«Папин след»

Тарский северный драмтеатр им. М. А. Ульянова

Бесновалась пурга по рядам, по сердцам, по столетью.

Тени прошлого встали, чтоб нас приобщить к лихолетью.

Зритель в зале застыл под давлением хлещущей боли,

Так актёры из Тары играли талантливо роли.

Каждый долю свою отмечал, ведь в судьбе это было.

Осознание скорбное душу морозом студило.

И слеза вырывалась нежданно, чтоб смыть это горе,

Чтобы помня, забыть о жестоком судьбы приговоре.

Но забыть невозможно, народ ещё ждёт не дожждётся,

Что когда-то на Волгу в республику немцев вернётся.

Только в вихрях пурги волчьи стаи всё злее и злее,

И живёт терпеливый народ, своего уголка не имея.

«Папин след» призывает найти, сохранить, приумножить,

Память вечной души взбудоражить и вновь растревожить,

И смиренной не дать, даже если захочет, смириться,

Чтоб пурга перестала над нашим народом беситься.

Минута молчания

Мы опять скорбим здесь тяжёлой минутой молчания.

Нам удел наш земной завещал эту память хранить.

В этом камне сокрыты, спрессованы предков стенания,

Тех, которым пришлось ужас века собой оплатить.

Уходили от голода, холода, от издевательства

Дети, отроки, юноши, жёны, мужья, старики,

По крутому маршруту судьбы, разбросав доказательства

Принадлежности к этносу (это вменялось в грехи).

Наша участь – запомнить, и долг – исключить повторение.

Сердце воплем у камня сорвёт безрассудство мозгов.

Пусть подобное сгинет на волнах земного течения.

Пусть останется в памятном камне, как веха веков.

Эта страшная веха – кровавая и беспринципная,

Пробудившая беса, который прорвался во власть.

Я пишу этот стих, только это души челобитная

Силам неба, чтоб впредь нам так низко не пасть.

*Постоим, помолчим... Ужаснёмся земным искушениям,
Что как будто бы исподволь душу толкают на край.
Отшатнёмся от них, устоим, чтоб не быть преступлениям,
В жерновах коих предки искали потерянный рай.*

05.07.2018

*Царство небесное моим соседям
тёте Фриде и дяде Гергарду.*

*Управились быстро они,
Друг за другом.
Он – где-то в апреле,
Она – в декабре.
Ярмо не снимая,
Ходили за плугом.
Их конь сиротливо
Заржал на заре.*

*Был трудным, холодным
Удел их короткий.
Здоровье отдали
Великой стране,
А сами надорваны
Детством голодным,
Влачили судьбину,
Чтоб выжить на дне.*

*Господь их призвал,
Проявив милосердые.
Был тяжек земной
Изнурительный крест,
Который несли,
Проявляя усердые,
Который не кляли,
Рождая протест.*

*И вечные странники
Тянутся к свету,
Некошеным лугом
Идут налегке,
И, с радостью эту
Оставив планету,
Уходят всё дальше –
Ладошка в руке.*

*Пусть примет их сад,
Тяжелея плодами
(Не видели чуда
Они на веку) ...
Стучала в окошко
Рябина ветвями
Сибирскую зиму
В колючем снегу...*

ВОДОКАЧ

*Соседям моим т. Фриде и д. Гергарду,
хлебнувшим и испытавшим, посвящаю...*

*Я хочу поведать краю былль давно минувших лет
(Мне её под пеньё вьюги рассказал старик-сосед).
Тётя Фрида подтвердила: «Да, всё точно так и было».
И вздохнула тяжело – много время унесло.
Что-то в памяти осталось, что-то навсегда забылось...
Между прочим ей досталось – лет с 12-ти трудилась...
Мать её ушла до срока, дальней выпала дорога,
Ни письма и ни приветов не дождёшься с того света.
Господи! Печаль какая! А семья была большая:
И сестрёнки, и братишки – все на хрупкие плечишки...
И в колхозе успевала, хоть смертельно уставала.
Хрупкий, тонкий стебелёк, недозревший колосок,
Но быками управляла – мужиков-то было мало.
Чуть подросшей крохе, ей, уж доверили коней.
И с конями приловчилась (слёз, конечно, ой, пролилось!),
Но солому и дровишки жрала печь без передышки.
Да, в любую непогоду забиралась на подводу.
Всё соломою топили, трудно, холодно, но жили.
Годы шли, всё в жизни было, щедро время отвалило.
И откуда только сила? Даже и стога вершила.
Так вот жизнь и прожила – всё заботы и дела.*

Отвлеклась я, не об этом рассказать хочу куплетом.

Раньше здесь, совсем вот рядом, где сейчас одни пригорки,

В том селе с названьем ладным жил народ – в Синеозёрке.

Так уж человек устроен, долго может без еды,

Без воды – совсем не может, ни туды, и ни сюды.

Здесь же край сухой, степной, тема вовсе злободневна,

Здесь вода вопрос больной – актуален ежедневно.

В пору ту колодцы были – кони по кругу ходили.

Для коня нет хуже доли, чем чертить круги неволи.

Вёдра были для коней и пошире, и длинней,

Вёдра были аж в обхват, пить ведь все вокруг хотят.

В бочки воду наливали, дальше – дело водовоза...

Вёдрами переливали на подводы – для развоза.

И везли скоту на фермы, и на все другие нужды.

На деревне парнем первым водовоз был – труд был нужный.

Вот сосед мой, дядя Гриша, им и был в Синеозёрке.

Дядя Гриша, так уж вышло, жить не мог без лошадёнки.

И сейчас, в таких годах, он всё время при конях.

Своего коня ласкает и чужих не обижает –

Шьёт им сбруи, шьёт уздечки, в хате, возле тёплой печки.

Конь здесь, в Орлово, ходил, а у них в Синеозёрке,

Тяжкий труд вручную был, воду черпали ведёрком.

Иногда случалось так, что воды не доставало,

И на ясный божий свет полведёрка выплывало.

Вот о чём рассказ-то мой – воду там качал слепой...

С трёх годков Господь обидел, водокач совсем не видел,

Мог он только отличить день и ночь, но надо жить.

Жил, и как! Весь день работал он до устали и пота –

Пользу людям приносил, всех вокруг водой поил.

Вот однажды дядя Гриша, подъезжая за водой,

Ещё издали заметил: кто-то шёл с ведром домой.

Он подъехал и спросил: «Дядя Реймер, кто здесь был?

Кто просил у вас воды?» Горше не было беды!

Ох, расстроился старик, помрачнел слепого лик:

Он бы воду уступил, если б кто-то попросил,

Он считал обычно ведра, когда в бочку выливал,

И пропажу, ясно дело, пальцами он измерял.

Перемерил – недобор, значит, был недобрый вор,

Стало быть – быть начеку водокачу-старику!

Подъезжая, дядя Гриша, стал внимательней следить –

Вычислил всех тех, кто любит без труда воды добыть.

Подбегут – ведёрком хватать, и аллюром – удирать...

Что ж, решил мой водовоз, вряд ли стоит вешать нос:

Как вора на чисту воду вывести-то, вот вопрос!?

Сговорились... и сигнал водокачу он подал –

Стукнул чем-то по железке, а сам будто не видал.

Только вор ведро занёс – водокач ему вопрос:

«А не лучше ли водичку из колодца накачать?»

Вор был пойман, и с поличным, случилось со стыда сгорать.

Здесь людская суть видна – и ничтожна, и прекрасна...

Нету у колодца дна, в ком душа чиста и ясна!

Не забыт слепого лик, нету доброте исхода.

Водокач – слепой старик – в вечной памяти народа.

А черты ворюшек тех растворились, как в тумане.

Не бери на душу грех, не живи в слепом обмане.

Можешь ты, здоров и зряч, проклинать удел свой горький,

Можешь ты, как водокач, напоить Синеозёрку.

Время в порошок сотрёт власть имущих и народы,

Только память не умрёт, лишь добра пробьются всходы.

Пролетели годы вскачь: войны, стройки, перестройки...

Тебя помнят, водокач, водокач Синеозёрки!

20.01.2000